

ЧЕРНОБОГ И *БЕЛОБОГ КАК ПОЛАБСКАЯ ВАРИАЦИЯ ОБЩЕСЛАВЯНСКИХ БОЖЕСТВ СУДЬБЫ

Строганов Д.О.

Государственный университет просвещения

Аннотация. В статье рассматривается проблема происхождения полабских Чернобога и реконструируемого *Белобога, упомянутых в «Славянской хронике» Гельмольда фон Босау. Автор анализирует основные исследовательские подходы к этим образам, критикуя как скептические версии об их христианском или иранском происхождении, так и попытки представить их частью, развитой дуалистической мифосистемы. С помощью качественного компаративного метода Чернобог и *Белобог сопоставляются с общеславянскими персонажами судьбы: рожаницами, суденицами, Долей, Недолей, Сречей и Несречей. Особое внимание уделяется функциональному сходству: один бог связан с преуспеваниями, другой — с несчастьями. Кроме того, сопоставляются формы почитания, включавшие ритуальную трапезу и распитие чаши. В результате, делается вывод, что Чернобог и *Белобог являются полабской вариацией общеславянских божеств или демонов рока, определявших человеческую судьбу.

Ключевые слова: Чернобог, Белобог, славянская мифология, полабские славяне, рожаницы, суденицы, Доля, Недоля, мифология судьбы, Гельмольд.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

CHERNOBOG AND BELOBOG AS A POLABIAN VARIATION OF PAN-SLAVIC DEITIES OF FATE

Dmitry O. Stroganov

State University of Education

Abstract. The article addresses the problem of the origin of the Polabian Chernobog and the reconstructed *Belobog, mentioned in Helmold of Bosau's *Chronica Slavorum*. The author analyzes the main scholarly approaches to these figures, criticizing both skeptical interpretations of their Christian or Iranian origin and attempts to present them as part of a developed dualistic mythological system. Using a qualitative comparative method, Chernobog and Belobog are compared with pan-Slavic figures of fate: the Rozhanitsy, Sudenitsy, Dolya, Nedolya, Srecha, and Nesrecha. Particular attention is paid to their functional similarity: one god is associated with success and prosperity, while the other is associated with misfortune. In addition, the article compares forms of worship that included a ritual meal and the drinking from a ritual cup. As a result, the author concludes that Chernobog and Belobog represent a Polabian variation of pan-Slavic deities or spirits of fate who determined human destiny.

Keywords: Chernobog, Belobog, Slavic mythology, Polabian Slavs, Rozhanitsy, Sudenitsy, Dolya, Nedolya, mythology of fate, Helmold.

Funding: Independent work.

Введение.

Пантеон полабских славян представляет собой не меньшую загадку, чем древнерусский. Скорее, даже большую – ввиду того, что источники о западнославянском языке информативно скудны и крайне малочисленны. К тому же, все они исходят от внешних наблюдателей – представителей иной культуры и веры, слабо разбиравшихся в славянской языческой мифологии.

Одним из таких источников является «Славянская хроника» Гельмольда фон Босау. В ней упоминаются некоторые божества, почитавшиеся полабскими славянами: Прове (бог альденбургской земли), Жива (богиня полабов), Редегаст (бог земли бодричей), Подага («идол в Плуне») [1, с. 129]. Особое внимание уделяется Святовиту, богу земли ранской, которого Гельмольд называет «богом богов», «светлейшим в победах» и «самым убедительным в ответах» [1, с. 130, 236–237].

Также из сочинения Гельмольда мы узнаем о дуэте славянских богов, один из которых направлял преуспевания, а другой – несчастья. К сожалению, по имени автор называет только последнего из них – Чернобога («Zsernoboch») [1, с. 129–130]. Имя первого реконструируется как *Белобог или *Белбог на основе топонимики (к примеру, серболужицкая оронимическая пара *Vjely boh-Cornu boh*) и цветовой дихотомии белый/черный [2, с. 42]. Чернобога и Белобога Гельмольд упоминает в связи с посвященным им обрядом, который славяне отправляли на пирах и попойках. Обряд этот заключался в круговом распитии из жертвенной чаши, сопровождавшемся произнесением то ли «благословений», то ли «заклинаний» от имени богов [1, с. 129–130].

Многие исследователи (А. Брюкнер, Л. Нидерле, В. Неринг, В.-О. Унбегаун, Г. Ловмянский, Л. С. Клейн и др.) отказывали Чернобогу и *Белобогу в славянском происхождении. По мнению скептиков, представление о состоящих в оппозиции добром и злом божествах было заимствовано полабскими славянами из христианства (ср. дихотомия Бог/Дьявол) или зороастризма (Ахурамазда/Ангра-Майнью) [3, с. 246–248; 4, с. 65].

Но в то же время, другие авторы (В. Чайканович, Э. Гаспарини, В. В. Иванов и В. Н. Топоров, Н. А. Михайлов и др.) признавали исконность Чернобога и *Белобога [3, с. 246–248]. Сейчас эту позицию можно назвать преобладающей, однако по сути она не имеет под собой достаточно убедительного обоснования. Исследователи неоднократно пытались обосновать ее, но так и не преуспели в этом. Потому на сегодняшний день проблема генезиса Чернобога и *Белобога остается такой же актуальной, как и раньше.

В настоящей статье мы попытаемся разрешить данную проблему, доказав, что Чернобог и *Белобог уходят своими корнями глубоко в праславянскую древность. Поможет нам в этом качественный компаративный метод. Но прежде, чем перейти к доказательной части, необходимо осветить последние исследования.

За последнее время появилось несколько работ, посвященных конкретно Чернобогу и *Белобогу. Новейшей из них является труд волхва Богумила (Д. А. Гасанова) «Чернобог: Образ, культ, миф», состоящий из четырех томов: «Чернобог – темная сила славянского пантеона. Источники. Формирование образа», «Культ Чернобога. Мифы о Чернобоге», «Кощей Бессмертный. Владыка загробного мира в мифологии славян» и «Вий. Повелитель зла в мифологии славян».

В своей работе Богумил абсолютизирует Чернобога и *Белобога, отождествляя их с участниками балто-славянского и финно-угорского космогонического мифа: первый соотносится им со злым демиургом (Чертом), а второй – с добрым (Богом).

Таким образом, Чернобог и Белобог предстают, в интерпретации Богумила, устроителями космоса, ответственными за творение людей, животных, светил и всего остального. В итоге, он выстраивает полноценную дуалистическую мифосистему наподобие зороастрийской, фактически просто меняя имена христианским персонажам: Бог у него становится Белобогом, а Черт, соответственно, – Чернобогом [5].

Автор опрометчиво натягивает образ Черта на Чернобога, вследствие чего последний оказывается еще и хозяином мира мертвых (преисподней) [5, с. 91]. Но, в действительности, данная функция принадлежала скотью богу Велесу, на что указывает, во-первых, его связь с богатством («скотом») и, во-вторых, старочешское выражение: «k Velesu za mogo» (то есть «в ирей», «на тот свет») [6, с. 56].

Если уж проводить аналогии между фигурирующими в мифе демиургами и божествами славянского пантеона, то именно Велес гораздо больше подходит на роль злого творца: тот появляется из моря (море, как известно, отделяет мир живых от мира мертвых), творит преисподнюю (загробный мир), земные недра, болота, водоемы, острова (все эти пространства связаны с потусторонним миром), скотину (как скотий бог), гадов, насекомых (сущест, которые скрываются в потустороннем мире на зиму) и т.д.

Вообще, слепо переносить Чернобога и *Белобога на восточнославянскую почву неправомерно (что мы докажем в настоящей работе). Фактически единственным поводом для этого служит топонимика: Богумил привлекает немногочисленные украинские и российские топонимы, якобы отсылающие к Чернобогу и *Белобогу – как, например, «Белые боги» [5, с. 74–81]. Однако необходимо учитывать, что слово «бог» означало раньше не только божество, но и просто объект почитания. Так, «богами» называли фетиши: иконы, обереги и пр. (ср. куринный бог, собачий бог, скотий бог) [6, с. 118; 7, с. 59–60]. Вероятнее всего, название урочища, «Белые боги», происходит от «белых камней», лежавших там еще в середине XIX века [8]. Камни эти, очевидно, считались в древности священными (ср. Конь-камень, Синий камень, Шутов камень и т.д.). То есть они и были этими самими «белыми богами».

Не оправдан, на наш взгляд, и скептицизм, с которым Богумил воспринимает сообщение Гельмольда [5, с. 86]. В дальнейшем мы покажем, что описание функций Чернобога и *Белобога из «Славянской хроники» полностью соответствует фольклорным данным.

Чернобогу и *Белобогу посвящена статья Н. А. Михайлова «Еще раз о *Белобоге и *Чернобоге», увидевшая свет в 1995 году. Михайлов соотносит данных богов с Велесом и Перуном, видя в оппозиции *Белобог/Чернобог локальную вариацию основного мифа [3, с. 250].

Однако «теория» Иванова и Топорова о противоборстве Перуна и Велеса абсолютно несостоятельна. Она основывается исключительно на поверхностном созвучии теонима «Велес» с балтскими, скандинавскими и ведийскими мифонимами: Vala, Vltra, velns, veles, Valhalla и т.д. – все они, как считали Иванов и Топоров, восходят к праиндоевропейскому корню *uel- [16, 66]. Но логичнее связывать имя скотью бога со славянским корнем вел-/вол-, что предлагал М. Фасмер [14, 287–288].

Славянская этимология гораздо более убедительна в сравнении с праиндоевропейской, поскольку охватывает теоним целиком, а не только его корневую основу. Согласно ей, «Велес» образован от слова «велий», аналогично слову «белесый». Версия же, выдвинутая Ивановым и Топоровым (и ранее выдвигавшаяся Гальковским), никак не разъясняет компонент -ес в теониме «Велес».

Также Михайлов высказывает предположение, что под «добрым богом» Гельмольд на самом деле подразумевал Святовита: «Сначала Гельмольд вводит в повествование «дуэт» добрый/злой боги, посвящает од-

ну фразу отрицательному божеству, называя его по имени, а затем сообщает и имя его антагониста. В этом случае *Белобогом может являться именно Свентовит» [3, с. 251]. Однако такое прочтение противоречит логике текста. Чтобы продемонстрировать это, приведем полностью оба фрагмента из «Славянской хроники»: «Есть у славян удивительное заблуждение. А именно: во время пиров и возлияний они пускают вкруговую жертвенную чашу, произнося при этом, не скажу благословения, а скорее заклинания от имени богов, а именно, доброго бога и злого, считая, что все преуспевания добрым, а все несчастья злым богом направляются. Поэтому злого бога они на своем языке называют дьяволом, или Чернобогом, то есть черным богом.

Среди множества славянских божеств главным является Святovit, бог земли ранской, так как он – самый убедительный в ответах. Рядом с ним всех остальных они как бы полубогами почитают. Поэтому в знак особого уважения они имеют обыкновение ежегодно приносить ему в жертву человека-христианина, какого укажет жребий. Из всех славянских земель присылаются установленные пожертвования на жертвоприношения Святovиту» [1, с. 129–130].

Как можно увидеть, Гельмольд относит Чернобога и «доброего бога» к «множеству славянских божеств», над которым возвышается Святovit. О самом Святovите говорится только, что он возглавляет славянский пантеон и дает наиболее убедительные ответы, но ничего не сказано про якобы направляемые им «преуспевания». К тому же автор ни разу не называет его «добрым богом» («bono deo»), хотя Святovиту в «Славянской хронике» посвящена целая отдельная глава. Наконец, непонятно, что мешало Гельмольду прямо назвать «доброего бога» Святovитом в первой части. В общем, трактовка Михайлова представляется нам крайне натянутой и необоснованной.

Под конец Михайловым приводится очень поздно зафиксированная легенда о происхождении пуддигерских камней, в которой фигурируют черный и белый боги: первый – злой, а второй – добрый. Причем, сам же автор замечает, что в ней есть фольклорно-христианские мотивы. Так, schwarze Gott фактически является дьяволом: он заключает договор с жителями деревни, обязываясь исполнить их просьбу, если те «отдадут себя ему в собственность».

Соответственно, под высшим добрым богом («gute Gott»), которому «все подвластно», должен подразумеваться никто иной, как христианский Бог. В подтверждение этому приведем слова некоего кашуба, переданные немецким славистом и фольклористом Ф. Лорентцем: «Den Teufel wir "schwarzer Gott" und unsern Gott "weisser Gott"» («Мы называем дьявола "черным богом", а нашего Бога – "белым богом"») [9, с. 21]. Но Михайлов ошибочно видит в этой легенде отголосок «основного мифа», являющегося изобретением советских мифологов [3, с. 253–256].

Чернобогу также посвящена небольшая статья в «Мифологическом словаре» за авторством самих В. В. Иванова и В. Н. Топорова. «Чернобог – в балтийско-славянской мифологии злой бог, приносящий несчастье. В «Славянской хронике» автора 12 в. Гельмольда описан ритуал пиршества, на котором пускали вкруговую чашу и произносили заклинания от имени двух богов – доброго и злого, «чёрного бога». На основе этого противопоставления реконструируется пара Белобог – Ч., воплощение противопоставлений «счастье-несчастье, белый-чёрный» и т. д.» – на этом авторам и следовало бы завершить статью. Однако они продолжают: «В менее достоверном источнике – древнеисландской Книглингсаге – упомянут бог Черноголов, имевший идола с серебряными усами и связанный с воинской функцией; вероятно, Черноголов тождествен Ч. По некоторым признакам (чёрный цвет, гадание), Ч. связан с Триглавом» [10, с. 595].

Согласно саге о Кнютлингах, Черноголов «был их [руян] богом победы, и он отправлялся в военные походы вместе с ними» [11, с. 146]. То есть, функционально победоносный бог Черноголов полностью противоположен направляющему несчастья Чернобогу – и потому отождествлять их неправомерно. Столь же натянуто выглядит, и попытка связать Чернобога с Триглавом – черный цвет, равно как и гадание, не может являться чертой, характерной только для одного конкретного божества (что видно на примере того же Черногорола). К тому же о гаданиях в связи с Чернобогом и *Белобогом мы знаем лишь со слов одной весьма начитанной женщины. И даже сам публикатор (Ф. Лорентц) сомневался в достоверности данного сообщения, полагая, что его информаторша «где-то прочла о служении Свантевиту на Арконе и сопоставила это со знакомой ей верой в белого и черного богов» [9, с. 21–23].

Раз уж зашла речь о неверно интерпретированных источниках, то нельзя не упомянуть и пресловутый рассказ аль-Масуди из книги «Мурудж аз-захаб», посвященный славянским святилищам. Средневековый арабский автор подробно описывает там идол Сатурна (Зухала), якобы находившийся в храме на вершине некой черной горы. Согласно рассказу, Сатурн изображен был как старец, перемешивающий посохом кости в гробах; окруженный образами муравьев, воронов и черных людей. Богумил соотносит его с Чернобогом [5, с. 47]. Но, как показал А. С. Матвеев, в данном рассказе по большому счету отражены средневековые арабские стереотипы о внешнем мире, а не реальные факты [12, с. 93–96].

Не менее ошибочно видеть в представлении о Чернобоге и *Белобоге следы христианского или иранского влияния [3, с. 246–248; 4, с. 65], ведь аналогичные мифологические персонажи известны также и другим славянским народам. Южные и некоторые западные славяне знают этих персонажей под следующими именами: макед. наречници, болг. орисници, чеш. sudice, словен. sojenice и т.д. (в дальнейшем мы будем обобщенно называть их всех суденицами). Восточным же славянам они были знакомы как рожаницы [7, с. 199].

В настоящей работе мы наглядно покажем, используя качественный компаративный метод, что Чернобог и *Белобог тождественны вышеназванным персонажам, и так установим генетическое родство данных образов. Тем самым нами будет доказано славянское происхождение этих богов. Это также позволит нам определить истинные сущность, роль и место в мифологической системе полабцев Чернобога и *Белобога.

Результаты.

В фольклоре западных и южных славян суденицы – это сущности, которые приходят к новорожденному, чтобы определить его судьбу [2, с. 370; 7, с. 199]. О связи восточнославянских Рода и рожаниц с судьбой свидетельствует тот факт, что их имена использовались для передачи таких понятий, как лат. *fatum, fortuna* и греч. *τύχη*. Также с ними были отождествлены Гад и Мени – ветхозаветные божества судьбы, поклонение которым порицал пророк Исайя [13, с. 177–179].

В поверьях число судениц варьируется от одной до девяти, но, чаще всего, они представлены как троица [7, с. 199]. Однако исконным мы считаем представление о дуге судениц, поскольку:

1) мифоним «рожаницы» обычно имеет форму двойственного числа в древнерусских письменных памятниках;

2) оно согласуется с бинарной оппозицией Среча/Несреча, Доля/Недоля (Лихо).

В сербских сказках Сречу и Несречу посылает Усуд [2, с. 370]. Точно так же суденицы предстают в фольклоре посланницами Бога или Усуда: «...ежедневно они сообщают Богу (в зап. Сербии иногда Усуду), сколько родилось детей, и спрашивают о судьбе каждого. С. приходят к Богу, и участь ребенка зависит от того, какая в этот день у Бога (или у божества Усуда, известного в ряде регионов Сербии, Хорватии и Черногории) трапеза (богатая или бедная).

По некоторым болгарским поверьям, С. предсказывают плохое, а Бог – хорошее...» [7, с. 202].

На основе этого можно заключить, что суденицы (рожаницы) и Среча (Доля) с Несречей (Недолей, Лихом) являются одними и теми же персонажами [4, с. 191]. Данные фольклора подтверждают сделанный нами вывод: «Они [орисницы] долго спорят перед тем, как вынести окончательный приговор. Побеждает то *первая, которая предвещает бедствия, то вторая, которая предсказывает добро*, то третья, примиряющая оба предсказания. Чаще всего, последнее слово остается за последней, самой старшей» [2, с. 291]; «В сербской же традиции считалось, что старшая [суденица] обычно предлагала новорожденному смерть, *средняя – физические недостатки, а младшая, по желанию которой обычно и сбывалась судьба, оказывалась самой милостивой и говорила, сколько жить ребенку, когда ему идти к венцу, с чем столкнуться в жизни и каким счастьем обладать*» [2, с. 370].

Таким образом, добрую суденицу можно идентифицировать как Долю, а злую – как Лихо. Видимо, роль третьей, главной суденицы изначально исполнял Усуд, которому две другие (Лихо и Доля) подчинялись, – этим и объясняется широкое распространение поверий о троице судениц.

Как видим, функционально суденицы-рожаницы соответствуют полабским Чернобогу, направляющему несчастья (как Лихо), и *Белобогу, ответственному за преуспевания (как Доля).

В связи с этим, нельзя не обратить внимание на само имя Чернобога. Примечательно, что нам неизвестны другие западнославянские теонимы, которые включали бы компонент -бог. Это говорит о том, что как минимум у полабских славян слово «бог» устойчиво ассоциировалось именно с представлением о доле. Согласно М. Фасмеру, оно родственно др.-инд. *bhagas* «достояние, счастье», авест. *bağa* «доля, участь», и, как утверждают Иванов и Топоров, первоначально имело аналогичное значение [2, с. 167; 14, с. 181–182]. Возможно, что «бог» в теониме «Чернобог» следует понимать, как «фатум», а не «божество». В таком случае он семантически тождествен именам злой рожаницы-суденицы («Лихо» и «Недоля»).

Характерно, что суденицы далеко не всегда предстают в фольклоре женщинами. Нередко они представляются в виде старцев, именуемых суджениками (макед.), наречниками (макед., болг.), орисниками (болг.) и т.д. [7, с. 199, 201; 2, с. 291]. Этот образ наиболее близок полабским Чернобогу и *Белобогу.

С рожаницами Чернобога и *Белобога роднит еще и форма почитания. Переданный Гельмольдом обряд во всем соответствует описанию «рожаничной трапезы» из «Слова Исаия пророка (истолковано святым Иоанном Златоустом о поставляющих вторую трапезу Роду и рожаницам)». Согласно «Слову», сотрапезники ели и пили, а также распевали «бесовские песни»: «...готовающе трапезу родя и рожаницам, наполняюще чръпаша бесом...»; «...питие пьете, иже испльниваете чръпаша бесом...»; «...а вы поете песнь бесовскую идолу роду и роженицам...» [13, с. 178; 15, с. 159–160]. Снова процитируем Гельмольда: «...во время пиров и возлияний они пускают вкруговую *жертвенную чашу*, произнося при этом, не скажу благословения, а скорее *заклинания от имени богов*...». «Песнь», посвященную Роду и рожаницам, допустимо сопоставить с «заклинаниями от имени богов»; оба обряда включают также ритуальное распитие («чръпаша», «чръпаша»). Получается, что Гельмольд описал в «Славянской хронике» «рожаничную трапезу».

Обсуждение.

Интересно, что в связи с Чернобогом и *Белобогом не упоминается начальствующая над ними фигура – аналог Рода-Усуда. Это может говорить о том, что-либо таковой в принципе отсутствовал у полабцев (тогда Чернобог и *Белобог являлись полностью самостоятельными персонажами), либо он был менее значим по сравнению с данными богами (возможно, не оказывал влияния на человеческие судьбы непосредственно) и по-

тому не поминался. Не исключено, что роль его взял на себя Святovit, бывший, если верить Гельмольду, не просто верховным божеством, но «богом богов», рядом с которым прочие боги казались полубогами [1, с. 237]. Точно так же христианский Бог сместил Усуда в качестве начальника судениц у южных славян.

Заключение.

Таким образом, идентичность пар *Белобог-Чернобог и Доля-Недоля (Среча-Несреча) можно считать доказанной: совпадают функционал (направление преуспеваний и несчастий), форма почитания (трапеца, включающая ритуальное распитие), пол (мужской) и даже семантика имен. Это значит, что Чернобог и *Белобог являются полабской вариацией общеславянских божеств (или демонов) рока (а не инородными, заимствованными из христианства или зороастризма персонжами).

Исходя из этого, мы можем предположить, что Чернобог и *Белобог, как и суденицы, также приходили к новорожденному и определяли его судьбу, предвещая счастливые и несчастные события, которые должны произойти с ним в будущем.

Конфликт интересов

Не указан.

Conflict of Interest

None declared.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Гельмольд. *Славянская хроника*. Москва: Издательство АН СССР, 1963. 300 с.
2. *Славянская мифология: энциклопедический словарь*. Москва: Эллис Лак, 1995. 416 с.
3. Михайлов Н. А. *История славянской мифологии в XX веке*. Москва: Институт славяноведения РАН, 2017. 344 с.
4. Klein L. S. *Воскрешение Перуна. К реконструкции славянского язычества*. Санкт-Петербург: Евразия, 2004. 249 с. ISBN: 5-8071-0153-7 EDN: QTKWTD
5. Влх. Богумил. *Чернобог - темная сила славянского пантеона. Источники. Формирование образа. Серия "Чернобог: Образ, культ, миф"*. Москва: Велигор, 2022. 714 с.
6. Успенский Б. А. *Филологические разыскания в области славянских древностей. Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского*. Москва: Издательство Московского университета, 1982. 340 с.
7. *Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3*. Москва: Международные отношения, 2004. 689 с.
8. Чернов С. З. *Исторический ландшафт Древнего Радонежа. Происхождение и семантика // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология: ежегодник 1988*. Москва: Наука, 1989. С. 413-438. EDN: WFYTF
9. Lorentz F. *Belbog und Cernobog // Mitteilungen des Vereins für Kaschubische Volkskunde. Erster Band. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1910. S. 20-23.*
10. Иванов В. В., Топоров В. Н. *Чернобог // Мифологический словарь*. Москва: Советская энциклопедия, 1990. С. 595.
11. Джаксон Т. Н. *Сага о Кнютлингах*. Санкт-Петербург: Издательство Олега Абышко, 2021. 512 с.
12. Матвеев А. С. *Сообщение Ал-Масуди о славянских святынях: перевод и интерпретация // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. 2009. Вып. 2. С. 87-101. EDN: MBWREX*
13. Мансика В. Й. *Труды по религии восточных славян*. Москва: Неолит, 2016. 688 с. ISBN: 978-5-00091-182-2 EDN: XQWOFJ
14. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 1: А-Д*. Москва: Прогресс, 1986. 576 с.
15. Гальковский Н. М. *Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2*. Москва: Печатник А. И. Снегиревой, 1913. 308 с.
16. Иванов В. В., Топоров В. Н. *Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 340 с. EDN: UFTQFJ*

References:

1. Helmold. *The Slavic Chronicle*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. 300 p.
2. *Slavic mythology: an encyclopedic dictionary*. Moscow: Ellis Luck, 1995. 416 p.
3. Mikhailov N. A. *The history of Slavic mythology in the XX century*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2017. 344 p.
4. Klein L. S. *The Resurrection of Perun. Towards the reconstruction of Slavic paganism*. Saint Petersburg: Eurasia, 2004. 249 p. ISBN: 5-8071-0153-7 EDN: QTKWTD
5. *Overhead line. Bogumil. Chernobog is the dark force of the Slavic pantheon. Sources. Image formation. The series "Chernobog: Image, cult, myth"*. Moscow: Veligor, 2022. 714 p.
6. Uspensky B. A. *Philological research in the field of Slavic antiquities. Relics of paganism in the East Slavic cult of Nicholas of Myra*. Moscow: Moscow University Press, 1982. 340 p.
7. *Slavic antiquities: an ethno-linguistic dictionary: in 5 vols. Vol. 3*. Moscow: International Relations, 2004. 689 p.
8. Chernov S. Z. *Historical landscape of Ancient Radonezh. Origin and semantics // Cultural monuments. New discoveries: Writing. Art. Archeology: Yearbook 1988*. Moscow: Nauka Publ., 1989. pp. 413-438. EDN: WFYTF
9. Lorentz F. *Belbog und Cernobog // Mitteilungen des Vereins für Kaschubische Volkskunde. Erster Band. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1910. S. 20-23.*

-
10. Ivanov V. V., Toporov V. N. *Chernobog* // *Mythological dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1990. p. 595.
11. Dzhakson T. N. *The Knutling Saga*. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House, 2021. 512 p.
12. Matveev A. S. *Al-Masudi's message about Slavic sanctuaries: translation and interpretation* // *Bulletin of St. Petersburg University. Episode 13. Oriental studies. African studies*. 2009. Issue. 2. Pp. 87-101. EDN: MBWREX
13. Mansikka V. Y. *Works on the religion of the Eastern Slavs*. Moscow: Neolithic, 2016. 688 p. ISBN: 978-5-00091-182-2
EDN: XQWOFJ
14. Fasmer M. *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes vol. 1: A-D*. Moscow: Progress Publ., 1986. 576 p.
15. Galkovsky N. M. *The struggle of Christianity with the remnants of paganism in Ancient Russia*. Vol. 2. Moscow: Pechatnik A. I. Snegireva, 1913. 308 p.
16. Ivanov V. V., Toporov V. N. *Research in the field of Slavic antiquities*. Moscow: Nauka, 1974. 340 p. EDN: UFTQFJ

Информация об авторе:

Строганов Дмитрий Олегович, аспирант кафедры истории России, Государственный университет просвещения, e-mail: str306@mail.ru

Dmitry O. Stroganov, Postgraduate student, Department of Russian History, State University of Education, e-mail: str306@mail.ru

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.05.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.05.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.06.2026.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.